

Книги Ильи Крымова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ДЕТИ СИЛАНЫ. ПАУК ИЗ БАШНИ

**БЕЛОЕ ПЛАМЯ ДРАКОНА
ДРАКОНОВ БАСТАРА**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИЛЬЯ КРЫМОВ

БЕЛОЕ ПЛАМЯ ДРАКОНА

РОМАН

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К85

Серия основана в 1992 году
Выпуск 964

Художник
О. Юдин

Крымов И.

К85 Белое пламя дракона: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 407 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2051-3

Если ты волшебник и хочешь чего-то добиться в этой жизни, найди себе достойного господина, ибо волшебник без господина — это волшебник без будущего. Тысячи лет назад величайший из магов Джассар Ансафарус молвил, что отныне волшебникам не дозволено самим властвовать и всем владеть, а лишь советом и службой могут они поддерживать троны своих господ — смертных государей. Слово Джассара стало законом магии, и с тех времен по сию пору закон тот сам следит за своим соблюдением, безжалостно карая нарушителей.

Тобиусу двадцать лет, и три четверти жизни он провел за неприступными стенами Академии Ривена, постигая Искусство в меру сил своих. Но вот выпускные экзамены остались позади, и молодой волшебник должен выбрать себе достойного повелителя, на службе у которого он сможет проявить все свои таланты, дабы выжить самому и помочь выжить другим.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Илья Крымов, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2051-3

От автора

Это первая книга, повествующая о Тобиусе и Валемаре. Описываемые далее события имели место быть за несколько лет до событий романа «Драконов бастард».

На момент завершения «Драконова бастарда» «Белое пламя дракона», будучи его предтечей, нуждалось в полноразмерной переработке, поэтому сначала автор предложил издательству роман, написанный в реалиях уже более проработанного варианта мира, и лишь после этого взялся переделывать первоисточник.

Автор приносит читателям извинения, если эти обстоятельства причинили им неудобства.

Также автор выражает особенную благодарность Дарье Сергеевне — за то, что она терпеливо читала неотредактированные наброски этой книги в далеком две тысячи десятом году и безжалостно критиковала.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Гномский «торжок», или гоблинский «куп», — это, по сути, одна и та же игра. Разнятся они в основном формой карт и их названиями. Гномы играли пятиугольными картами, гоблины — треугольными, но правила «торжка» и «купа» повторяли друг друга практически полностью. Что характерно, сия схожесть, одна из ничтожного количества тех вещей, которые были у гномов и гоблинов общими, являлась причиной особенно сильной ненависти между этими двумя племенами. Кто первым придумал игру? Кто у кого ее украл? Гномы и гоблины спорили об этом гораздо больше, чем играли в «торжок» или «куп», а тем временем игру успели освоить люди, невысоклики и прочие существа по обе стороны от Хребта. В нее играли короли, играли простолюдины, в нее играли в дорогих салонах и на лавочках подле деревенских домов. В нее играли на огромном пне, служившем столом для посетителей таверны торговой стоянки Синедол, что располагалась у пересечения дорог Подсолнухов и Герани близ города Кавернхилл.

За пнем собралась компания из шести человек: наемный охранник, священник, приказчик, возницы, цитар в красной рубахе и молодой волшебник. Играли в «степенный» «торжок», а не в «прыткий», то есть карт наперегонки не швыряли, не кричали, не кляли друг друга, не хватались за специальные деревянные дубинки, требуя у противника выбросить тройку молотов: «Я же знаю, что она у тебя есть, хитроморда». Нет, в «степенном» «торжке» надо быть тоньше, следить за лицами других игроков, за своим лицом, блефовать, обманывать и набирать нужную комбинацию, а также надеяться, что пятигранные кости подсобят.

Игроки то и дело посматривали на волшебника, который глядел только на свою руку¹ и ни на что больше не отвлекался.

---

¹ Имеются в виду карты, розданные на руки конкретному игроку.

Он выиграл две последние партии и не забрал банк только потому, что понял: если не даст остальным шанса отыграться, в ход пойдет острое железо.

Из оставшихся пятерых игроков достойно держал себя только приказчик, а больше прочих нервничал священник, чьи руки дрожали, а лоб потел. Цитар вел себя так, словно ему уже все равно, словно он в любом случае вырежет свою часть денег при помощи кинжала. Охранник хмурился на свою руку, возница будто сомневался, сильная у него комбинация или стоит сбросить пару карт и взять другие? Он то и дело менял их местами, сиюсь взглянуть на расклад с новой стороны.

Волшебник бросил кости, ему выпали «двойка» и «пятерка», но он пропустил свою возможность сбросить лишние карты, показывая остальным, что уверен в себе.

— Вскрываемся, — сказал приказчик.

Священник уронил свои карты, у него была пара. У охранника и цитара тоже не вышло ничего вразумительного, возница удивил ремесленным набором из пяти младших плотницких карт, сам приказчик выложил на стол трех подмастерий и две пятерки — молотов и кирок. Последнее слово осталось за волшебником, который, не чинясь, показал собравшимся большую кузнечную артель — пять старших карт кузнечной масти: горн, кузнеца, подмастерья, наковальню и десятку молотов.

— «Торжок» закончен, — сказал волшебник, привставая.

Вслед за ним привстал цитар. Это был крупный, широкоплечий, явно не обделенный силой человек. На широком кожаном поясе с заклепками висели ножны с кривым кинжалом и метательный топорик. Охранник напрягся, он был не настолько импульсивен, но у него имелись при себе палаш и желание вернуть деньги. Возница втянул нечесаную голову в плечи, священник завывал, пряча лицо в руках, а приказчик не предпринимал вообще ничего.

Что ж, подумал последний, если они преуспеют, я попытаюсь вернуть часть моих денег, но если нет, то окажусь не при делах. Расчет приказчика был вполне верным: ведь и охранник и возница были в караване, который сопровождал и он. Если волшебник останется без денег, возможно, им троим удастся оставить с носом и цитара. Священника можно не брать в расчет, он не боец и вообще неприятный тип. Насколько приказчик понимал, этот божий человек являлся странствующим проповедником, а также собирал пожертвования. Вот он уже

начал стонать о каких-то несчастных сиротах, которые теперь останутся без пищи. Ничтожный кусок навоза не думал о них, когда ему шла хорошая карта, но, проиграв жертвенные деньги, не смог выдержать этого достойно, а теперь пытается давить на жалость. А еще святой отец! Приказчика передернуло.

Напряженное бездействие как-то затянулось. Волшебник и цитар смотрели друг другу в глаза, охранник выжидающе поглядывал на приказчика, который не передавал ему никаких посылов к действию. Тем временем священник понял, что мольбами денег не выклянчить, и внезапно изменился в лице.

— Все это происки Раздувателя Огня! Грязная магическая ворожба! Покайся, сын...

— Вот-вот, наведенные чары, — тихо и угрожающе согласился цитар, не сводя глаз с волшебника, который не шелохнулся и ничего не ответил.

Приказчик почувствовал, что пора готовиться к отступлению на безопасное расстояние. Вся складывавшаяся ситуация становилась возможной лишь потому, что волшебник был молод, безбород, одет в потертую ношеную полумантию и не внушал ни трепета, ни почтения. Жезл у него, конечно, был о-го-го, таким и голову разбить можно, но при этом, однако, оставалась надежда, что магик в силу неопытности окажется уязвим. С опытным волшебником никто бы за один игровой стол и не сел.

— Он умеет читать мысли честных людей! — надрывался священник, уже начиная верить в собственные слова как в стихи из Слова Кузнеца.

— Мыслей читать не умею, — тихо молвил маг, — но лица — легко.

Рука цитара выхватила кинжал, однако нож волшебника выпорхнул из ножен раньше и замер у цитарского горла. Причем руки волшебника даже не шелохнулись, его нож действовал сам. Священник взвизгнул и отскочил, споткнулся о стул, рухнул на пол и принялся барахтаться, путаясь в полах рясы. Охранник, на которого маг скосил свои жуткие желтые глаза, убрал руку от пояса, возница замер, как лягушка пред ужом, а приказчик, будучи человеком довольно умным, уже наблюдал за происходящим с расстояния в десять шагов.

Неизвестно, что произошло бы дальше, волшебник вполне мог перерезать цитару горло, исповедуя вечный принцип своей касты относительно тех, кто покушается на ее благосостоя-

ние. Да и кто вообще станет беспокоиться за жизнь какого-то цитара? Одним конокрадом больше, одним меньше, думал приказчик.

Распахнулась дверь, и в помещение проник дневной свет, а за ним и свежий воздух, который, впрочем, очень быстро испортился, потому что люди, вошедшие в общий зал, пахли конским потом и пылью. Это были солдаты при мечах и мушкетах.

— Мы ищем магика, — объявил офицер выглянувшему из-под стойки трактирщику.

Дрожащий палец одного указал в сторону большого пня.

— Чар... э-э... мм... это вы магик?

— Это я.

Нож медленно отлип от цитарского горла, оставив на коричневой коже тончайший красный след, перевернулся в воздухе и угнездился в родных ножнах.

— С вами ищут встречи по государственному делу, извольте пройти.

Волшебник неспешно ссыпал деньги в кошель, оставив на столе примерно четверть своего выигрыша.

— Изволю.

Торговля никогда не была легким ремеслом в Вестеррайхе. Особенно если ты не служил крупному торговому дому, который мог обеспечивать караваны хорошей охраной. Гораздо тяжелее шло дело у бродячих торговцев, которые колесили по дорогам на своих фургонах-лавках. Бывало, этот народ сбивался в целые аламуты¹, чтобы лучше обеспечивать свою безопасность и сообща отбиваться от лихих людей.

С ходом времени дорожные торговцы обзавелись целой культурой — собственными обычаями, приметами, особыми словечками и средой обитания. Частью этой среды были торговые стоянки, особые места близ развитых торговых путей, обычно устроенные под открытым небом, где торговый и деревенский люд мог продавать и покупать, будучи вне досягаемости городских законов. На торговых стоянках имелись увеселительные заведения, ночлежки, загоны для скота, охраняемые склады и, разумеется, прилавки, где торговали оптом и в розницу. Королевская власть предоставляла защиту таких мест самим торговцам, а потому взимала довольно скромную пошлину и не приставала почем зря.

---

¹ Таборы.

Стоянка Синедол была по-настоящему вольной и не подчинялась ни торговым домам, ни довлеющему королевскому закону. За время своей жизни она раздалась вширь, став целым палаточным городом, немногочисленные настоящие здания которого являлись большими и малыми хибарами, легкими как в постройке, так и в демонтаже. Кривые грязные улочки, змеившиеся между скотными загонами, торговыми рядами и мастерскими, сходились в сердцевине Синедола, на торговом пятаке, усеянном крапинами навоза и тысячами следов.

Черной скалой поверх моря человеческих голов и спин животных высился большой фургон-сундук, окруженный пешими и конными солдатами. Судя по гербам, принадлежала эта бронированная громадина ривенскому казначейству. Эскорт провел волшебника внутрь охраняемого периметра к фургону, после чего один из солдат постучал в дверь:

— Мы вернулись, сир!

Когда дверь открылась, на раскладную лесенку ступила обутая в блестящий кожаный сапог нога господина маленького роста. Он был облачен в черные дорожные одежды из дорогой ткани, а темно-желтый бархатный плащ на его плечах скрепляла золотая цепь, отмеченная гербом ривенского казначейства. Из-под берета выбивались на круглое лицо вьющиеся каштановые волосы и торчали острые кончики поросших шерсткой ушей. Невысоклик критически приподнял бровь и посмотрел на сопровождавших Тобиуса солдат:

— Что-то как-то незрело он выглядит. Вы точно того привели?

— Единственный магик здесь, сир, — ответил старший. — Вон у него и жезл при себе, и зенки желтые...

— Без бороды, без посоха... — продолжил невысоклик, капризно кривя губы.

— Волшебство кроется не в бороде и не в посохе... сир?

— Сир Реджинальд Истер-Килибенс.

— Чем я могу служить вам, сир?

Невысоклик вздохнул, спустился на землю и пошел к другому, более заурядному фургону с таким видом, что волшебник был вынужден последовать за ним.

— Ты послужишь мне службу, если скажешь — что можно с этим сделать?

Солдаты открыли заднюю дверь фургона, и волшебник увидел другого волшебника. Тот валялся на скамье, взирая в

потолок пустыми остекленевшими глазами, и пускал пену. Густую, пузырящуюся, окрашенную во все крикливо-яркие цвета радуги пену.

— Ничего.

— Вот так сразу? Ты хотя бы взгляни на него, чар.

— Я и отсюда пену вижу. Он глотнул «пыльцы фей». Это такой питьевой наркотик для магов.

— Ага... и?

— И он будет недееспособен несколько суток, пока его астральное тело не «переварит» все те хаотичные потоки энергии, которые оно впитало.

— Ойле-вэйле-ау! — выругался сир Реджинальд и в сердцах чуть не пнул коровью лепешку, но вовремя вспомнил о цене своих сапог. — Точно ничего нельзя сделать? Может, промывание?

— Промывание очистит его материальное тело, но энергии уже просочились в астральное, а *такого* промывания я сделать не могу.

— Этьсч! Ладно! Мы примерно знали все это, когда ехали сюда. Так получилось, чар, что я назначен ответственным за крайне ценный груз, понимаешь? Это деньги ривенского казначейства. Со мной усиленный отряд, и в подмогу нам был направлен вот этот пускающий радужную пену кусок *худмэ*!

Тобиус позволил себе поморщиться. Он не был знаком с бесчувственным магом и заранее не питал к нему теплых чувств, так как презирал собратьев по Дару, гробящих этот самый Дар эзотерическими наркотиками, но что о себе думает этот коротышка, когда смеет поносить волшебника в присутствии другого волшебника¹?

— Нам придется рекрутировать тебя.

— Простите?

— Ты заменишь его, чар, — бесцеремонно повторил сир Реджинальд, — ибо нам без мага никак. Не в сложившейся обстановке.

— У меня были свои планы на дальнейшую дорогу.

— А у меня были планы заплатить вот этому пускающему пузыри мерзавцу два золотых за то, чтобы он просто маячил на

---

¹ Стоит отметить, что невысоклики вообще крайне спокойно относились к любым волшебникам. Они считали повелителей Дара лишь еще одним видом ремесленников, а трепетать перед горшечниками или ткачами, по их мнению, было глупо.

горизонте. На всякий случай, смекаешь? Но теперь я могу заплатить два золотых тебе. Нам нужен маг, который сумеет постоять за себя и за груз, ясно? Ты хочешь заработать?

Тобиус хотел. Он уже некоторое время скитался по дорогам Ривена, следуя туда, куда тянула его Путеводная Нить, и на пути своем жил за счет того, что удавалось перехватить побочным заработком. В принципе волшебники редко оказывались без лута в кармане, но чтобы зарабатывать, нужна была собственная практика, а Тобиус лишь совсем недавно закончил обучение в Академии и еще не нашел подходящего места.

— Куда вы двигаетесь?

— Это секретная информация, смекаешь? Я ведь руковожу сбором податей, на мне шесть десятков вооруженных бойцов и фургон с деньгами. Могу сказать, что направляемся мы дальше на запад, и точка.

— На запад, — медленно проговорил молодой волшебник, — по пути.

— Вот и отлично! Один золотой сейчас, второй — по заключении службы.

Невысоклик лизнул большой палец и протянул руку. Тобиус лизнул свой большой палец и прикоснулся к пальцу сира Реджинальда. Конечно, традиционный невысоклик способен заключать сделки имел официальную юридическую силу только в далеком Холмогорье или, например, на землях Гизонской шляхты, но история не знала случаев, когда кто-то из маленького народа нарушал такую клятву где бы то ни было.

После того как сир Реджинальд с ворчанием оплатил на местном постоялом дворе место для бесчувственного волшебника, пока тот не оклемается, сетуя, что эта скотина не стоит и медяшки, отряд покинул Синедол и отправился по дороге Подсолнухов.

Вопреки ожиданиям, невысоклик поехал не в бронированном фургоне, а верхом. На свинье. В лучших традициях скаковых свиней, тот хряк походил на плод любви дикого кабана и домашней хрюшки, которая была слишком изнежена и медлительна, чтобы уметь хорошо бегать. Но получившийся в итоге зверь имел крайне внушительные клыки и, несмотря на короткие ноги, мог развивать и поддерживать приличную скорость. А еще он был очень большим.

Волшебник, питавший стойкую неприязнь к верховой езде на любом живом существе, забрался на крышу фургона, чем

вызвал множество удивленных взглядов. Спереди и сзади ехали фургоны с солдатами, преимущественно мушкетерами, а верхом казначейский поезд сопровождали кирасиры.

Хотя лошади держали довольно высокий темп, свин умудрялся не отставать. Привалы были редкостью, и делались они лишь для того, чтобы охрана поочередно могла справиться нужду и перекусить, ни о каком отдыхе не могло быть и речи. К вечеру отряд добрался до почтовой станции, где занял специальные казенные квартиры, а поутру двинулся дальше, к реке Салле, где сир Реджинальд, пользуясь государственными привилегиями, вне очереди влез на паром. Действовал невысоклик нагло и местами грубо, но очень эффективно.

Через два дня отряд въехал в ворота Максенрокка. Грязные улицы захолустного городишки не притягивали взгляда решительно ничем, и, проследив за выносом сундучка с податями из здания магистрата, сир Реджинальд повел поезд прочь из города. На следующий вечер они успели добраться до замка мелкого лорда, имя которого значилось в бумагах невысоклик, и, осуществив процедуру перемещения налоговых сумм, остались на ночь. Нельзя сказать, что лорд и его домочадцы очень обрадовались мытарям, но отказать государственной службе они не могли.

Тобиус сидел на краешке скамьи за столом в одном из больших залов, которые были отведены для ночевки солдат. Часть вышеупомянутых людей несла дежурство во дворе замка, охраняя бронированный фургон с деньгами, другая часть отсыпалась в преддверии второй смены, поэтому зал практически пустовал.

Хотя столы были длинными и за ними имелось вдосталь свободного места, высокий жилистый человек присел рядом с Тобиусом. Маг знал, кто он, хотя и не был с ним знаком. Этот тип отличался от остальных охранников, предпочитая мундиру носкую дорожную одежду темных тонов, а мушкет ему заменял большой арбалет, судя по механическому рычагу, изящному изгибу плеч и украшению в виде драконьей головы в передней части ложа — дорогой соломейский экземпляр. Длинные сальные волосы падали на вытянутое острое лицо с глубоко посаженными глазами, а с широкого тонкогубого рта не сходила тень усмешки.

— Выпьем по кружечке, чар?

— Матисс, верно?

— Матисс Кордол, вольный стрелок, путешественник и ценитель женской красоты, к вашим услугам.

Перед волшебником появилась кружка с пенной шапкой, вторую наемник держал сам. Тобиус взялся за ручку, и кружки стукнулись одна о другую. Первый глоток был скромным, магал своему языку шанс заблаговременно выявить возможное присутствие ядов, но зря — в пиве было только пиво.

— Просто хотел предупредить вас, чар, что здесь что-то неладно.

Тобиус замер, но промолчал, разрешая арбалетчику говорить дальше.

— Я тоже временно на государственной службе, так сказать, и по окончании маршрута мне обещаны неплохие деньги, а потому, как наемник наемнику, я доложу вам, что с этими ребятами что-то не так. Их командир, Реджинальд, не доверяет им. Ну, по крайней мере, не всем. Он нанял меня, чтобы я был его личным телохранителем в пути.

Тобиус продолжал молчать.

— Не знаю, что здесь происходит, но если станет жарко, особо не доверяйте этим солдатам свою спину.

— А вам спину можно доверить?

— Мне? — усмехнулся наемник вставая. — Если станет жарко, у меня появятся более важные заботы, нежели ваша спина. Своя, например. Ладно, пойду исполнять обязанности, а то наниматель будет недоволен.

Хотя Тобиус понимал, что слова Матисса Кордола не могли считаться безоговорочной истиной, на следующий день он внимательнее приглядывался к солдатам. Волшебники по природе своей склонны к паранойе, и склонность эту очень трудно подавить.

Он спрыгнул с фургона на землю в одну из редких остановок, когда солдатам выделили немного времени на справление нужд, и приблизился к Реджинальду. Тот отвел свинью от дороги и принялся подкармливать желудями из специальной сумки, а Матисс Кордол сидел невдалеке, так, чтобы видеть и нанимателя и солдат.

— Славный хряк, — сказал Тобиус, разглядывая подогнанную под свиное тело упряжь.

— Так и есть. Буду кормить его до тех пор, пока не потеряет способность скакать, а потом на мясо пушу, — со свойствен-

ной его народу практичностью сказал невысоклик, ласково глядя кабана по крупной башке.

— Впервые вижу скаковую свинью в Ривене. Ваших сородичей на крайнем западе немного.

Круглое личико невысоклика немного сморщилось. Он понял, что беседа началась с ничего не значащих фраз, а значит, маг собирается подобраться к чему-то серьезному.

— Да, мой народ имеет привычку глубоко вращать в родную землю, но дедушка, некогда состоявший в штате обслуги при духовном посольстве Церкви, направленном в Ривен, заметил, что хватка горячо обожаемой им религиозной организации в сих землях не так сильна. А еще он заметил, что в Ривене нет законов, ограничивающих расселение невысокликов в пределах их исконных историко-этнических территорий, и при должном усердии и капельке везения здесь можно неплохо зажить. Поэтому он попросил ривенского подданства, устроился на службу к одному небедному лорду, привез из Холмогорья молодую жену, а из жизни ушел, будучи состоятельным и уважаемым управленцем. Мой батюшка вступил в ривенскую армию, в составе которой принимал участие в Третьем Пламенном походе, откуда вернулся живым и почти невредимым. Ему пришлось отдать на поле боя всего лишь руку и уберечь своего лорда-командира от стрелы, чтобы привезти домой дворянский титул с правом наследования. Поэтому я, Реджинальд Истер-Килибенс, имею честь именовать себя сиром и служить королевским сборщиком податей. Как вам эта короткая история успеха?

— Впечатляюще, сир. Вы достигли немалых высот, хотя люди, возможно, порой препятствовали этому, потому что вы не человек.

— Не без этого, конечно.

— Но я вижу, что ваши солдаты вас уважают.

— О, это да! Хорошие ребята! Соль земли!

Вскоре Тобиус узнал поименно, кто особенно из шести десятков охранников являлся солью земли, кто был «неплохими ребятами», а о ком невысоклик ничего определенного сказать не мог. Заняв свое место на крыше фургона, волшебник предавался невеселым мыслям. Главное, чего он не понимал, — это какого ахога по дорогам Ривена едет фургон, увешанный гербами казначейства и окруженный ненадежной охраной?

Следующим днем поезд въехал в ворота большого и богатого города Добесмарша, из здания магистрата которого под

бдительным присмотром Реджинальда Истер-Килибенса были вынесены сундучки с податями. Закупив провизии, отряд двинулся дальше без передышки, и к концу дня было решено заночевать на придорожном постоялом дворе «Под головой тролля». Бронированный фургон загнали под навес и окружили караулом, пока часть солдат отдыхала в общем зале.

Кроме случайных путников в «Под головой тролля» захаживали вилланы из соседней деревни, потому что на постоялом дворе наливали весьма неплохой сидр и делали скидку постоянным клиентам.

Тобиус, перекусив вполне сносным рагу, подсел к троице солдат, резавшейся в «прыткий» «куп». Карты традиционной гоблинской колоды были треугольными, грани игральные костей — тоже. Солдаты сначала подозрительно отнеслись к волшебнику, что являлось нормой, но когда он два раза подряд проигрался по мелочи, недоверие спало. Отстраненно следя за игрой, а также делая вид, что рассматривает огромный булыжник, висевший над камином, кой местные хозяева пытались выдать за голову настоящего тролля, Тобиус прислушивался к разговору, происходившему невдалеке. Благо это было нетрудно.

Невысоклик беседовал со старостой ближайшей деревни, который из-за глуховатости постоянно громко переспрашивал и так же громко отвечал. Матисс Кордол примостился неподалеку от нанимателя в уголке потемнее, и когда его задел взгляд мага, словно почувствовав это, усмехнулся с закрытыми глазами.

— Чи-и-иво?!

— Я говорю: дорогой Подсолнухов!

— А-а-а! Нет, сир, там не проедете никак!

— Почему?

— Чии-и-во?!

— Почему, говорю, этсч тебя дери?!!

— А-а-а! Дык перекрыли дорогу ишшо вчерась люди его милости лорда с Красного холма. Говорят, в деревне, что дальше по дороге, разыгралась бельмастая хворь, и теперича, покуда братья святого Маркуса ее не удавят, солдаты никого не пропустят! А у меня в той деревне деверь батрачит, не знаю, жив ли он до сих пор! Придется вам, сир, через Туманную лощину ехать, либо же бóльшим крюком, через дорогу Хмеля! Эдак вы неделю потеряете, но все лучше, чем через Туманную ехать!

— Чар, вы как, ходите?

Тобиус шлепнул на кучу карт свою, затем бойкий ход игры продолжился. Он вернул себе проигранное и оставил солдат в покое. Как волшебнику, ему предназначалась отдельная комната, в которую он поднялся, заперся и провел остаток ночи в медитации.

К одиннадцати часам следующего дня отряд наткнулся на преграду. Дорогу перекрывал блокпост, вокруг которого при свете солнца поддерживались костры. К выехавшему вперед сиру Реджинальду подступились солдаты с гербом в виде красного полукруга на доспехах. Их лица были закрыты промоченными в травяном настое тряпками, а глаза слезились от дыма. Тобиус выбрался немного вперед, к невысоклику и его телохранителю, чтобы лучше слышать.

— ...Никак, сир.

— Не пегай¹ ли, часом, проскакала?

— Да бог с вами, сир! Бельмастая хворь, не иначе! Так братья сказали! Вам теперь путь по Хмельной дороге. Большой крюк сделаете, но ежели торопитесь, то вертайте чуток взад и оттуда налево, в Туманную лощину. Места там пустынные, но их дурная слава сильно преувеличена!

— Спасибо за совет, воин, так и поступим.

Когда невысоклик уже развернул свою свинью, к солдату приблизился Тобиус.

— Бельмастая хворь, значит? — осведомился он. — Это, брат, штука опасная. Добрые братья Маркуса сказали вам, чтобы вы жгли в кострах черноплодную рябину, можжевельник и калину?

— Э... так точно, сударь, — отвечивал красноглазый.

— Молодцы, молодцы, продолжайте жечь — и, быть может, не заболете.

Отряд вернулся к последнему пропущенному повороту и двинулся новым путем, взяв значительно южнее дороги Подсолнухов. Путь лежал в небольшую лощину, уместившуюся среди пары холмистых гряд. Чуть в сторонке тем же направлением бежала неширокая речка, которая изредка пересекалась с дорогой, из-за чего поезду приходилось въезжать на ненадежного вида деревянные мостики. Постепенно дорога делалась

---

¹ Катормарский мор, или «пегай кобыла». На развитой стадии болезни тело человека покрывается обширными черными и желтушными пятнами.

все более запущенной, бросалось в глаза отсутствие придорожных камней, отмечавших лиги, а те камни, что стояли на своих местах, не обновлялись так давно, что надписи на них не читались. Правда, однажды встретился покосившийся от времени дорожный столб с разбитым фонарным плафоном, висевшим на цепи, словно забытый всем миром висельник. Косая грязная доска на том столбе все еще кое-как доносила до сведения путников, что впереди их ждет Туманная лощина.

Пока светило солнце, отряд двигался более-менее бойко, но ближе к вечеру по сторонам от дороги раскинулись поросшие ряской и водяными лилиями пруды, чьи испарения придавали воздуху настораживающий зеленоватый оттенок. Дорога стала вести себя как стремящаяся скрыться в траве змея — она то пропадала, заставляя поезд сбавлять темп, то вновь появлялась. В ранних сумерках, когда до придвинувшейся стены небольшого леса было рукой подать, вернулся небольшой отряд конных разведчиков.

— Впереди дурное место, сир.

— Опасность засады?

— Скорее просто дурное. Это висельное дерево.

— Ого! Поглядим!

Вскоре то, что так заинтересовало невысоклика, стало видно всем. Большой дуб с непомерно широким перекрученным стволом и раскидистыми, но голыми ветками, обвешанными гнилыми тонкими остатками веревок с пустыми петлями, а меж древесных корней тускло белело некоторое количество костей.

— Отдых, парни! Марш из фургонов, и разомнитесь как следует!

Сир Реджинальд покинул седло и, потирая затекшее седалище, неспешно направился к дереву. Тобиус встал рядом с ним. Оба — и невысоклик и человек — вглядывались в облепленный мхом ствол, пытаясь разглядеть в глубоких бороздах коры ожидаемый образ.

— Вон там, — направил их взгляды Матисс Кордол, указывая гораздо выше уровня человеческой головы.

Когда-то давно на стволе умелой рукой был вырезан рельеф, изображавший изогнутую драконью шею с драконьей же головой, однако с тех пор дерево успело сильно вырасти, прежде чем окончательно состариться и погибнуть.

— Настоящее висельное дерево, ты погляди.

— Одно из последних наверняка. — Тобиус сделал шаг и протянул руку, но в последний момент перед прикосновением отдернул ее. — Во время войн Веры на ветвях этих деревьев не было свободного места, а после Церковь настояла на том, чтобы все они были сожжены, потому что пространство вокруг них, сколько ни освящай, вскоре вновь начинало сочиться скверной.

— Недоглядели святые отцы. Судя по наличию остатков веревок, как минимум десять лет назад им еще пользовались, — проговорил невысоклик. Он свистом подозвал к себе хряка и, вытащив из седельной сумки курительные принадлежности, протянул магу кисет. Сам сир Реджинальд сунул в зубы короткую трубку-носогрейку с вместительной чашей.

— Отличный табак, — одобрил Тобиус, раскурив свою длинную трубку из белой керамики.

— Посылка с исторической родины, лучший табак в Восточной четверти, да.

Они некоторое время наслаждались курением поистине прекрасного табака, выпуская струи сизого дыма, а потом Тобиус вдруг обронил:

— Мы идем в засаду.

— Да неужто? — Невысоклик повел себя так, будто ему только что поведали «тайну», что, мол, вода мокрая.

— Тот блокпост был фальшивым. Они жгли костры как во времена буйства кровавой чумы или катормарского мора, хотя все лекари Вестеррайха давно признали неэффективность этой меры защиты от миазмов. К тому же бельмастая хворь хоть и заразная до ужаса мерзость, но, чтобы заболеть, нужно вступить в непосредственный контакт с больным, а на дальние расстояния по воздуху она не передается. Опять же ни один маркусит не повелел бы жечь в огне рябину, калину или можжевельник. Солдаты просто лгали.

Сир Реджинальд ничего не ответил. Докурив, он вернулся в седло и отдал приказ двигаться. Солдаты, обычно стремившиеся растянуть редкий отдых, разместились в фургонах очень быстро — никому из них не хотелось задерживаться в дурном месте хотя бы одну лишнюю минуту. Впереди ждал небольшой, но темный лесок.

Вскоре солнце совсем зашло, но вместо того чтобы попытаться найти место для ночного бивака, раз уж на этот раз о крыше на ночь речи не шло, поезд продолжил двигаться дальше, хотя и очень медленно. Часть солдат покинула фургоны и

теперь шагала рядом с ними, освещая неверный путь светом застекленных ручных фонарей.

— Терпение, парни, — неустанно твердил сир Реджинальд с преувеличенной бодростью, — в этих местах есть одна старая, заброшенная деревня! Доберемся до нее. Переночуем, а утром вернемся на дорогу Подсолнухов еще до десятого часа!

Из-за облаков показалась молодая луна, а в отдалении среди лесной черноты появились сонно парящие огоньки.

— Светляки с прудов залетели, смотрите лучше под ноги! — ворчал невысоклик.

Первая пуля угодила бы ему в грудь, кабы не росчерк темноты, вырвавший сира Реджинальда из седла, словно языком слизнувший. Матисс Кордол приземлился, перекувырнулся и, отпуская нанимателя, отработанным движением вскинул арбалет, который миг назад висел на ремне у наемника за спиной. Опасно быстрое натяжение тетивы, ложащийся на ложе, а затем уносящийся в темноту болт. Первый вопль. А потом началась стрельба, и криков стало много.

— Туши фонари! — вскричал сир Реджинальд.

Скатившийся с фургона Тобиус выпустил в лес два роя светящихся мотыльков, освещая пространство среди деревьев, пока сам поезд окутывала темнота, — солдатам сразу стало легче целиться. Часть нападавших пошла врукопашную, в то время как охране приходилось тратить силы для удержания перепуганных лошадей и искать убежища за фургонами.

— Нас непременно попытаются окружить! — обратился к магу сир Реджинальд. В руках у него был короткий по человеческим меркам меч и пистолет.

Тобиус кивнул и, приготовив заклинание Щит, воспарил над землей. Полетел он низко, но быстро, ловко маневрируя между стволами благодаря Енотовым Глазам, а вокруг него летело, кружась, несколько иллюзорных копий его самого. Оправданность этого приема была доказана, когда залп, прозвучавший из кедровой рощицы, в основном пришелся по иллюзиям, а в Щит волшебника попало всего две пули. Он силой воли стусил из воздуха дюжину водяных сфер, ударил ими в ответ и послал вдогонку Морозное Дыхание, превратив крошечный клочок леса в белую от снега и инея зимнюю идиллию, вместе с семью разбойниками. Кружа по лесу вокруг места схватки, маг то и дело натывался на небольшие группки врагов, заходившие в тыл, и, как правило, замораживал их либо

приводил в беспамятство всесокрушающими ударами Столба Твердой Воды. Так он отдалился от поезда довольно прилично, а когда понял, что биться больше не с кем, полетел обратно. Тем более что звуков стрельбы уже не слышалось. Однако, вернувшись, он замер на дороге с белым лицом.

Кровь. Очень много крови. Изуродованные тела людей и лошадей тут и там. В некоторых кусках узнавался скаковой хряк невысоклика. С жезлом наготове маг двинулся вперед, ощущая характерный запах парных потрохов и их содержимого, перемешанный с железистым запахом крови. Их разорвали на части зубами и когтями, а потом разбросали по небольшому участку дороги, и все это ярко блестело в свете парящих тут и там мотыльков.

— Оно посчитало меня мертвым... повезло, — слабо послышалось слева.

Матисс Кордол был пришпилен к дереву пикой, а тот, кто так услужил ему, валялся подле с отрубленной головой среди еще троих мертвецов. Трофейную саблю наемник выронил, разряженный арбалет тоже лежал в корнях возле его ног, кровь текла по животу и ногам, и почерневшие от нее пальцы пытались зажимать рану вокруг древка. Тобиус приблизился и положил руку на оружие, отчего Кордол зарычал сквозь зубы:

— Если ты выдернешь...

— Кишки полезут наружу, знаю, доверьтесь мне, сеньор Кордол, я неплохо умею чинить людей.

Тобиус наложил на раненого Обезболивающее, прижал рану и извлек пику. Он работал быстро и умело, сращивая поврежденные ткани и не допуская потери крови. Под конец волшебник позаботился о том, чтобы предотвратить сепсис, и сделал так, что не осталось даже шрамов. За быстрой операцией следил сам оперируемый.

— Ловко, — признал он, — но жутко. Вы, однако, целитель от бога.

— А теперь, покуда вы не отдаете концы, расскажите, пожалуйста, — какого ахога здесь произошло?

Из слов Матисса Кордола следовало, что какое-то время все шло ладно, насколько ладно может идти налет на казначейский поезд посреди ночного леса. Даже когда несколько солдат ударили в спину своим сослуживцам, Реджинальд Истер-Килибенс смог реорганизовать оборону и устроить налетчикам Содренские Пляски, а телохранитель был рядом и успел спол-

на отработать все обещанные деньги, пока его не оттеснили. Драться с троими — дело нелегкое, особенно если четвертый поджидает удобного момента, чтобы ткнуть пикой. Когда его пригвоздили к дереву, он подумал, что все, конец, а жаль, ведь лояльная охрана успешно била врага. Но все круто изменилось.

— Я услышал какой-то странный треск, а потом *оно* вырвалось из леса с рыком, похожим на стон, с ходу порвало нескольких лошадей и набросилось на людей.

— Что за «оно»?

— Чудовище. Ахог знает, что это была за тварь, нагромождение лап, голов, когтей и клыков, укрытое бурой шерстью. Огромная тварь. И хотя у меня в кишках засела сталь, я решил, что моя доля лучше, чем у них. — Взгляд темных глаз скользнул по едва теплым останкам. — Но хуже всего, чар, было то, что оно не тронуло наших врагов. Перебило охрану, животных, но не тронуло врага, ясно?

— Чего же тут неясного? — пробормотал Тобиус. — У налетчиков было ручное чудовище. И не такое случается в мире. У нас в Академии есть один волшебник, который вырастил себе питомца размером с утес, а другой сам может превращаться в тварь навроде дракона.

Наемник молчал — он не знал, что на это можно ответить.

— Я не вижу здесь останков нашего работодателя.

— Потому что их здесь нет. Налетчики захватили его и увели вместе с фургоном.

— Значит, мы должны его вернуть.

— Вы не поверите, чар, но я хотел сказать именно это.

— Послюнявленный палец?

— Послюнявленный палец.

Волшебник с удивлением взглянул вольному стрелку в глаза, понимая, что видит человека с какими-то принципами. Кордол всем своим видом производил впечатление отсутствия таковых, и делал он это сознательно, так что, получив задаток и поприветствовав брюшиной пику, беспринципный человек должен был поскорее убраться прочь и радоваться, что рядом ошивался целитель, столь удачно его подлатавший. Но Кордол поступил наоборот. Тобиус же, будучи магом, то есть существом по природе своей эгоистичным и заботящимся лишь о себе, обязан был соблюдать лишь те клятвы, которые сопровождались специальными словоформулами, и тем не менее... он ведь слюнявил палец.

— Хм, хорошо, конечно, что оказалось нас тут двое таких замечательных храбрецов, готовых исполнить свой долг и рискнуть жизнями за луговую цену, но лично я не знаю, куда двигаться дальше.

— Я знаю. — Кордол снял с мертвого солдата ножны, проверил, как выходит из них палаш, и надел пояс с ножнами на себя. — Коротышка заблаговременно рассказал мне, что заброшенная дорога должна привести к заброшенной деревне. Если не там угнездилась разбойничья шайка, то где же еще?

— Он это знал — и все равно вел поезд туда?

— Он лишь предполагал.

Кордол проверил исправность арбалета и, орудуя ножом, принялся мародерствовать. Он вспарывал пояса, подкладки, шарил в сапогах и тихо ругался, когда видел, что местами его опередили и кто-то из врагов уже нашел заветные тайники.

— Ты не мог бы не...

— Мертвым не нужны деньги, а мне они еще могут пригодиться. — Выпрямившись с несколькими серебряными монетами в руке, наемник улыбнулся. — Как думаете, чар, кто такой наш сир Реджинальд?

— Понятия не имею. Но он не мытарь.

— Ривенский государственный служащий, ага, как же! Я родился и вырос в Эстрэ и видел много невысокликов в своей жизни, но вот что интересно: за время своих скитаний по Вестеррайху, за пределами Эстрэ я встречал их только в Шехвере и Диморисе, да и то лишь близ границ земель Гизонской шляхты. Этот народец накрепко врастает в землю, у них даже дома — часть ландшафта, а тут вдруг объявляется один такой коротыш на другом конце Вестеррайха и рассказывает сказочку про переселившегося деда. Вы, как рив, можете позволить себе поверить в это, но я эстриец, и я не куплюсь. Готовы идти? Двинемся по лесу, за дорогой наверняка следят, и всех этих светящихся жуков лучше убрать. И еще, я не большой ходок по ночным лесам, так что если к утру доберемся, будет уже хорошо.

— Если он будет еще жив и если не встретимся нос к носу с той тварью, которая порвала наших, — кивнул волшебник, сплетая на ходу заклинание. — Вот сейчас мотыльки погаснут, и вы увидите мир в новых цветах. Это Енотовые Глаза.

Заклинание, наложенное на Кордола, стало сопротивляться, чем немало удивило Тобиуса. Чары будто... *не хотели* быть наложенными на этого человека, но подчинились создателю,

стоило немного надавить. Стрелок рассмеялся, осматривая мир глазами ночного существа, и выразил бурную радость. Вместе с магом они сошли с дороги и двинулись по ночной тьме, прекрасно разбирая путь и стараясь загодя высматривать возможные секреты.

К заброшенной деревне, устроившейся в низине, вышли до рассвета. Она притаилась ближе к западной оконечности лощины, окруженная и частично захваченная лесом. Довольно крупная некогда деревня, нет, даже село, если судить по виду развалин часовни, обнесенное щербатым местами павшим, а местами покосившимся частоколом. И оно явно было несколько более обитаемо, чем положено заброшенному селу. Там горело множество костров, освещавших преимущественно центральную площадь, а вокруг источников света передвигались человеческие фигурки, отзвуки чьих пьяных голосов разносились далеко округ.

— Дерите меня ахоги, их там не меньше полусотни.

— Скорее больше, в домах тоже кто-то да есть. А ведь я многих успокоил в лесу.

Они крались в темноте почти без остановок, благо луна была далека от зенита, и лишь на границе села надолго замерли, ожидая увидеть вражеский караул или что-то в этом роде, но напрасно. Проникнуть сквозь зазоры в частоколе оказалось проще простого, и лазутчики двинулись мимо домов, пялившихся слепыми провалами окон, мимо прогнивших оград, заросших сорняками огородов, по пустынным улицам, давно забывшим звуки собачьего лая. Кордол остановился и указал на землю, Тобиус увидел человеческий череп и несколько костей.

— Старые.

— Истер-Килибенс говорил, что на деревню напала крупная банда и вырезала всех подчистую лет эдак семь — десять назад, и с тех пор в Туманной лощине никто не живет, — шепотом поделился наемник.

По настоянию Тобиуса они забрались в один из пустых заброшенных домов и затаились. Магу необходимо было прощупать пространство в попытке обнаружить другого мага, ибо, по его словам, там, где появляется ручное чудовище, где-то рядом должен ошиваться кто-то из владельцев Дара. Но никаких признаков присутствия другого мага Тобиус не выявил. После этого они сменили «гнездо», переместившись на полуразрушенный чердак заброшенного дома, из которого можно было

следить за шумными людьми, напивающимися вокруг костров. Бронированный фургон казначейства тоже стоял там, в большом пятне света, и вокруг него суетились люди с молотками и железными прутьями, безуспешно пытаясь отодрать дверь. Периодически к ним присоединялся еще один человек, мужчина с заросшим бородой лицом, при появлении которого остальные начинали суетиться активнее. Видя, что дверь все еще не открыта, он орал на них, после чего удалялся в один из немногих более-менее целых домов на площади, в окнах которого горел свет.

— Коротышки не видать, — сказал Кордол, цокнув языком.

— Чудовища тоже.

— Это большое поселение, тварь может прятаться где угодно, и я не уверен, что мои стрелы произведут на нее впечатление.

— Мои Огненные Стрелы произведут. Нужно вытащить Истер-Килибенса, если он еще жив, а когда он окажется хотя бы в относительной безопасности, я все здесь разнесу к ахогам собачьим. Возможно, под конец даже удастся сдать кого-нибудь властям.

Матисс с опасливой ухмылкой глянул на Тобиуса, думая наверняка о том, что такому бойкому, пусть и молодому, магию ничего не стоит привести свою угрозу в исполнение.

— Я проникну в тот дом и поищу нашего незадачливого наемателя, а вы...

— Я наложу на вас чары Глазоотвода.

— О-хо-хо, сегодня на мне испробовали больше заклинаний, чем за всю предыдущую жизнь! Может, стоит чаще сотрудничать с магами, и жизнь станет проще?

— Может быть, — пожал плечами Тобиус, сплетая систему чар. — Но вблизи от нас у простых смертных значительно повышается вероятность потенциального травматизма. Волшебнику что, он тварь живучая, а вот простые люди мрут быстро, иногда не успеваешь даже оглянуться, а они уже...

— Как те несчастные на дороге.

— Все. — Тобиус завершил наложение заклинания. — Теперь они не будут на вас смотреть.

— Точно?

— Они будут отворачиваться и постараются не вставать у вас на пути.

— Страшно подумать, что может сделать не тот человек, если ему в руки попадут такие умения.

— Довольно болтовни, сеньор Кордол, идите туда, а я присмотрю за вами и, если понадобится, прикрою. Можно было бы и прямо сейчас наведаться на этот праздник жизни, но, боюсь, кто-нибудь ненароком прирежет невысоклика, пока я буду наводить здесь порядок.

Тобиус следил, как вольный стрелок крадется по улице, опасаясь света костров. Он держал арбалет перед собой и тихонько приближался к людям, ожидая, что в любой момент его заметят, и тогда придется уносить ноги. Но они не замечали. Пьяные и не очень пьяные взгляды соскальзывали со сторбленной долговязой фигуры, которая липла к стенам, отбрасывая неверные тени в свете костров, а она кралась дальше. Постепенно осмелев, наемник двинулся почти в открытую, а после ему и вовсе начало нравиться происходящее. Смертные, получившие возможность соприкоснуться с магией, по неопытности часто заигрывались, и Тобиусу пришлось наблюдать, как его напарник едва не заглядывает в лица тех, кто совсем недавно пытался его прикончить. Кордол прошел мимо осажденного фургона и замер сбоку от двери, ведущей в обжитой дом. Наконец он дождался, пока бородач вновь выйдет, и скользнул внутрь, прежде чем дверь закрылась.

Тобиус следил за округой, применив Истинное Зрение, ища зацепки, хоть какие-то знаки того, что в пристанище разбойничьей шайки окопался другой маг. Обычно такие вещи сразу бросались в глаза хотя бы потому, что волшебники, будучи существами территориальными и индивидуальными, стремились оградить и разметить собственную территорию. Как правило, они окружали себя защитными и оповестительными чарами, магическими ловушками и всем прочим в том же духе. Тобиус искал признаки, но не находил ничего.

Бородач на этот раз очень долго распекал нерадивых взломщиков на радость остальной шайке. Заметив веселье, он прошелся и по гулякам, обдав их грязной, словно помои, руганью, отнял у кого-то бутылку и сам приложился к горлышку. Когда он пошел обратно, Тобиус напрягся, готовясь вступить в дело. Бородач скрылся в здании, и мгновения стали растягиваться патокой, пока не прозвучал звук порохового выстрела. Маг вскочил и тут же опрокинулся навзничь, потому что следом за выстрелом раздался звук падающей на землю двери

фургона и рокот взрыва. Ударная волна прокатилась во все стороны, руша самые обветшалые дома, обдавая людей смертельным жаром, и мир потонул в огне. Фургон взорвался.

Когда маг пришел в себя, избавился от писка в ушах и белых пятен в глазах, когда вылез из развалин рухнувшего дома, он увидел настоящую бойню уже второй раз за несколько часов. Даже для его закаленного рассудка это было тем еще испытанием. Развороченные обломки фургона, клочья огня, разбросанные тут и там, занявшиеся хибары, едкий дым, ошметки человеческих тел, посеченных, несомненно, поражающим элементом в виде монет... железных. Неестественный цвет пламени говорил об особых алхимических добавках. Все это запечатлевалось в мозгу Тобиуса застывшими гравюрами, накладываясь одно на другое и образуя уродливую картину, пахнущую скотобойней и пиротехнической лабораторией. Где-то внутри подавала тоненький голосок мысль о том, что, возможно, кого-то удастся спасти. Тобиус и сам не знал, зачем бы ему спасти кого-то из этих препоганых людей даже при возможности, но какая-то часть его «я» всегда занималась глупостями вроде мыслей о спасении всех людей в мире и подбивала хотя бы попытаться, на что наставники в Академии часто качали головой.

— Бомбануло так бомбануло, — поделился своим мнением Матисс Кордол, приближаясь в слабеющем свете огненного зарева. Рядом с ним нетвердой походкой двигался Реджинальд Истер-Килибенс. — Выбрались через окно с другой стороны, чудом не попали под рухнувшую крышу. Не залатаете ли нашего нанимателя, чар? Они действительно успели подпортить его шкурку.

Лицо невысоклика походило на один сплошной синяк, бугристый и грозящий вскоре полиловеть. А еще кто-то порезал его щеки, нанес длинные кривые борозды от уголков рта до ушей, при этом не рассекая плоть полностью. Стоило ему открыть рот — и щеки бы порвались.

— А теперь, — промолвил волшебник, закончив сращивать поврежденные ткани, — вы объясните, какого ахога взорвался этот ваш проклятый...

Раздался треск. Не резкий и мимолетный, как когда что-то ломается, а продолжительный и ритмичный, извлекаемый преднамеренно. Из наполовину рухнувшего дома выбрался бородач. Одной рукой он пытался зажимать рану на груди, а другой вращал в воздухе трещоткой.

— Надо было целиться в голову! — рявкнул Кордол на на-
нимателя.

— А не надо было меня дергать! — ответил тот.

— Клянусь душой, именно это я слышал перед тем, как на
нас навалился ураган когтей! Надо бежать!

Над Туманной ложиной раздался переливающийся хрип-
лый рев в несколько глоток, и был он беспощадно близок, не
оставляя людям и невысоклику надежды на побег. Бородач за-
кашлялся, харкая кровью, и упал ничком, проклятая трещотка
наконец умолкла. Однако на окраине деревни раздался треск,
как раз резкий и мимолетный, будто что-то огромное сметало
гнилые заборы и рушило остовы заброшенных домов. Оно
появилось очень скоро, выметнулось к совсем ослабшему
огню безобразным темным комом шерсти и пронзило ночь
шестью пылающими зеленою огоньками.

Тренькнула тетива, и их стало пять. Рыкнув, чудовище ри-
нулось к людям, но Тобиус возвел заклинание Щит, которое
выдержало первый удар туши, хоть и с треском, а потом он
ударил в ответ Воющим Клинком и буквально рассек многола-
пое нечто на две части. Какие-то мгновения оно еще шевели-
лось, но потом затихло, и зеленые огни погасли, а к прежним
запахам примешались едкие, незнакомые никому, кроме То-
биуса, ароматы консервирующих бальзамов. На своем исходе
эта тревожная ночь соизволила все же затихнуть.

— Что это?

Тобиус времени с ответом, разглядывая зловонное нагро-
мождение плоти и шерсти, сидя на корточках. Три головы,
двенадцать лап, а значит, всего двенадцать клыков и шестьде-
сят когтей.

— Химера, — наконец выдал он, — созданная из трех мед-
ведей. Обычная, я бы даже сказал, безыскусная химера. Три
медвежьих труп, расчлененных, а потом собранных в одно ог-
ромное уродливое целое, наполненное магическим бальзамом,
помогавшим ей имитировать жизнь.

— Это одна из самых мерзких и страшных тварей, которых
я видел в своей жизни, и мне казалось, что если мы сегодня
выживем, то нам очень повезет. А вы разрубили ее одним уда-
ром. Как это понимать?

— Как есть, так и понимайте, сир Реджинальд, — промол-
вил Тобиус. — Боевая магия может уничтожить практически
все что угодно, а это существо предназначалось только для то-

го, чтобы пугать и убивать простых смертных. Ни пули, ни стрелы, ни мечи ее не остановили бы, а вот магия — легко.

Волшебник прошел к трупу бородача и поднял с земли сломавшуюся при падении трешотку.

— А это артефакт, обеспечивавший подчинение, причем на удивление ладно сделанный. Вот только покойник сей ни разу не маг. Он пользовался трешоткой и, судя по остаточным следам его астрального тела, постоянно держал ее при себе. Но он не маг.

Свет проник в Туманную лощину на правах полновластного хозяина, ибо солнце не смущало ни название этого заброшенного местечка, ни его дурная слава. К этому времени трое путников уже некоторое время взбивали пыль на обочине дороги Подсолнухов, пока их не нагнала карета, запряженная четверкой лошадей. Из кареты вышел закованный в броню гном, сжимавший в руке массивный пороховой пистолет, способный прошить любую кирасу как фольгу и оставить в человеке дырку величиной с небольшую дыню. Гномы были мастерами создавать компактное оружие с чудовищной убойной силой.

Заглянув в карету, сир Реджинальд Истер-Килибенс вернулся к своим работникам и сунул каждому из них в руку по золотой монете.

— И это все? — не удержался от того, чтобы скривиться, Матисс. — После того, что мы...

— Это все, что было обещано, — твердо ответил невысокий, — за *любые* неприятности, имевшие место быть во время вашей работы.

И он и гном погрузились в карету, после чего она развернулась и быстро помчалась в обратную сторону.

— Вот ведь низок паршивый! — сплюнул в пыль наемник.

— Ну, он действительно с нами расплатился, — пожал плечами волшебник, пряча золотой кругляш в своей сумке.

Через два часа они оба мылись в бадьях с горячей водой, которые для них заботливо подготовила прислуга придорожного постоянного двора «Точные весы», в комнате, поделенной на две части занавесью.

— Но ты не знаешь самого интересного, — рассказывал вольный стрелок, который с попустительства Тобиуса решил вдруг перейти на «ты». — Когда я пробрался в дом, Истер-Килибенса там охраняли пятеро, но ни один не заметил, что он

подрезает веревки крошечным ножичком из рукава. Прежде чем я пустил в ход меч, он освободился, выхватил у одного из них нож и метнул ему же в глотку. Очень короткое расстояние, у ножа не было времени для набора скорости, но он воткнулся по рукоять, будто им выстрелили из арбалета, хм. Я убил троих, а он в это время выпустил кишки еще одному, причем наш дорогой сир Реджинальд был хром и хорошо виден врагам, в отличие от меня. Как человек, повидавший много головорезов, скажу тебе точно: этот невысоклик — опытный убийца. Вот и думай теперь — что все это было и как нам удалось выжить?

Волшебник молчал, сидя в успокаивающе-обжигающей воде и крутя в руках трещотку, пока приятная молодая служанка старательно скребла ему спину. Позже они с Кордолом спустились в общий зал, заняли отдельный стол и сделали заказ, ни в чем себе не отказывая. Сначала принесли вино и легкую закуску, чтобы гостям веселее было ждать основных блюд, и они выпили за то, чтобы и впредь удавалось сохранить собственные шкуры в целости, а собственные кошельки — в тягости. Волшебник медленно покручивал трещотку, извлекая из нее нервные непостоянные звуки, чем несколько раздражал наемника.

— Выбрось уже эту дрянь и забудь. Мы живы благодаря тебе, и пора бы возблагодарить Господа-Кузнеца за то, что с нами был маг, вот что!

— Я был не очень полезен: столько людей полегло.

— Но мы-то живы!

— Неверные люди под руководством того, кто знает об их неверности и ведет нас в ловушку, зная, что нас ждет ловушка: взорвавшийся фургон. Единственное, чего он не знал, — это то, что у врага есть химера.

— Я тоже об этом задумывался, но поскольку невысоклик явно не был тем, за кого себя выдавал, и мне не хочется пересекать дорогу типам вроде него, я решил выбросить это из...

— Химера была обычной, я убил ее одним заклинанием. Тот волшебник, что был до меня, смог бы так?

— Марв? — задумался вольный стрелок. — Я знал его всего пару дней, но думаю, он вполне мог бы шархануть парой-тройкой заклинаний. — Тобиус молчал, позволяя ему развить мысль. — Но он вдруг решил побаловаться тяжелыми наркотиками, которые выбивают из колеи на... сколько там?

— От нескольких суток до полутора недель.

— А эта радужная дрянь оставляет на употребляющем следы?

— О, поверь, маг, сидящий на «пыльце фей», не похож на здорового человека. У него выпадают волосы, отвисает, приобретая неестественные цвета, кожа, а глаза становятся снулыми, как у дохлой рыбы.

— Нет, вообще не похоже. От нормальных людей он отличался лишь своим колпаком в звездах и привычкой постоянно смотреть в книгу.

— Значит, нанявшись охранять казначейский поезд, он решил вдруг начать употреблять «пыльцу фей». Скажи-ка, Матисс, где это произошло и когда?

— Хм? В Кавернхилле. Ночью он куда-то отправился, а когда пришло время выезжать следующим утром, Марвина притащили стражники. Он уже пускал радужную пену.

— Кавернхилл, хм? И что, я первый волшебник, которого попытался нанять невысоклик?

— Нет, сначала он заставил стражников показать ему, где живут городские маги, и попытался сунуться к ним, но двое из этих бородатых... мудрецов лишь бошками мотали — мол, сильно мы заняты, — а третий вообще отказался принимать. Когда Истер-Килибенс не смог найти Марву замену, он богохульствовал так долго и так громко, что у грешников в Пекле наверняка покраснели уши. На его удачу один из стражников, притащивших Марва, прошлым днем дежурил на воротах и якобы видел покидающего город странствующего волшебника. Он указал нам в сторону Синедола, мы и поехали.

Тобиус сидел молча и рассеянно покручивал в руке трещотку. Он не обратил внимания на появившиеся блюда и на вопросы, которые ему задавал наемник. Наконец, встрепенувшись, он достал из своей сумки медную чашу с линией тайнописных знаков по ободку, наполнил ее вином и опустил внутрь медальон, снятый с шеи. После прочтения заклинания маг обратился к образу того, кто появился в вине. Образ ответил. Матисс Кордол смотрел и слушал, не смея мешать, а потом в вино была опущена трещотка, и образ растаял. Медальон вернулся на шею.

— Я в любом случае собирался это сделать, но мне хотелось иметь более-менее веские причины для того, чтобы потревожить наставников.

Кордол рассмеялся и поднял кружку с вином:

— А ты очень хитер, чар Тобиус!

— И, к слову, очень коварен, — улыбнулся волшебник, поднимая медную чашу, в которой не было ничего, кроме вина, и чокаясь с новым другом.

На протяжении нескольких следующих недель Тобиус и Матисс пропутешествовали на запад по землям Ривена вместе. Их путь получился довольно извилистым, и они успели попасть еще в несколько щекотливых ситуаций, растеряв вместе с тем почти все заработанные деньги. Но когда очередная развилка разделила их дороги, расставались они друзьями.

Им конечно же не было известно, что вскоре после того, как трещотка попала в руки артефакторов Академии Ривена и те извлекли из нее информацию о создателе, в Кавернхилл был послан Хазактофем Дыба, волшебник с весьма неординарной репутацией, который часто решал для Академии весьма специфические проблемы.

После незваного ночного визита в лабораторию-мастерскую Баркелия Чучельника, наиболее влиятельного из трех волшебников города, Дыба поспешил убраться оттуда подальше и, найдя подходящее место в одном из темных переулков ночного Кавернхилла, позволил себе перевести дух. Он прикрыл глаза и спустя минуту беззвучного шевеления губами негромко заговорил:

— Я опоздал, до него добрались раньше. У трупа отняты руки ниже локтей, а на глазах лежат золотые крахестоуны. Да, наказан как вор, протянувший руки к неприкосновенным деньгам и расплатившийся смертью за золото. Да, почерк агентов Золотого Трона. Мне нечего здесь делать... Что? Нет, монет я не забрал и никому не посоветовал бы этого делать. Они принадлежат теперь тому, кому должны принадлежать.

Хазактофем Дыба покинул город, не дожидаясь утра.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Волшебник появился при въезде в деревню, у хлипких ворот в плетеной ограде. Он появился не так, как должны появляться волшебники, — то есть пришел по дороге, а не возник в яркой вспышке или прилетел верхом на огромном орле.

На деревенских улицах было почти пусто, вилланы эту часть дня проводили кто с веретеном, кто на старой мельнице, кто в пекарне. К тому же началась страда, а лето любит работяг — не бездельников. Никто не встречал гостя, кроме нескольких лающих собак да важного гусака, прохаживавшегося под одним из заборов в стеблях кошачьей мяты. Бойницы древнего краснокирпичного замка, раскалившегося под солнечными лучами, следили за магом несколько недоверчиво и настороженно.

Сей магик был еще совсем юнцом, от силы двадцать лет да маленький хвостик; высокий, широкоплечий, жилистый и подтянутый, словно ныряльщик за жемчугом с островов Палташского моря. Судя по лицу, в предках у него имелись не простые люди, а, возможно, породистые дворяне. Приятное впечатление портили разве что глаза... желтые, с тонкими вертикальными зрачками. У обычных людей такой оказии не встречалось, но волшебники в Академии Ривена, как известно, все сплошь были мутантами, так что удивляться не приходилось.

Вытерев пот со лба и поправив ремень сумки, врезавшийся в плечо, магик направился вниз по улице, высматривая какой-нибудь постоялый двор. В деревне оказался на удивление пригожий трактир, именовавшийся «Под короной». Было в нем два этажа, у входа висела деревянная вывеска, над дверью располагался козырьком небольшой балкончик, оконные стекла блестели чистотой, а на черепичной крыше лениво поскрипывал флюгер.

— К вам можно?

Прежде чем добраться до этой глухомани, молодой волшебник истоптал с десяток дорог и прошелся по Императорскому тракту. Он бывал и в городах, и в селах, сиживал в трактирах, тавернах и на постоянных дворах, но такого пригожего местечка еще не видел. В «Под короной» было чисто, уютно и вкусно пахло, недавно помытые полы влажно блестели, сквозь стекла ясно виднелась обласканная солнцем улица, стулья казались надежными, столы были убраны, стойка из лакированного дерева так и вовсе сверкала.

Из кухни на чужой голос вышел трактирщик, немолодой уже плотный мужчина с большими залысинами и заплетенной в косицы седой бородой. Он производил впечатление общей опрятности и чистоплотности.

— Никак потерялись, уважаемый?

— Отнюдь, сударь, я пришел туда, куда стремился прийти.

— О! — воскликнул трактирщик, становясь перед магом. — От кого же вы так хотели убежать, раз избрали путь в наш медвежий край?

— Меня сюда привела Путеводная Нить.

Трактирщик открыл было рот, но так и замер, когда до него дошла суть услышанного.

— Ох! Вы... вы волшебник? — Он окинул гостя цепким взглядом, и глаза его остановились на тяжелом бронзовом жезле, который висел в кольце на поясе гостя. — Вы маг?

— Тобиус, маг Академии Ривена.

— Ну так добро пожаловать! — Трактирщик расплылся в широкой улыбке, являя истертые за долгую жизнь, но еще крепкие пеньки зубов, и сделал приглашающий жест в сторону стойки. — Волшебник в нашей глуши! Вот это здорово! Я рад! Искренне рад, гость вы мой разлюбезный!

Тобиус настороженно уселся на высокий стул — его нечасто встречали *так* радушно.

— Мне бы горло промочить с дороги, — сказал волшебник, укладывая сумку на соседний стул и развязывая кошель.

— Уберите монету, чар, я угощаю!

Он не стал возражать и позволил трактирщику поставить на стол кружку преотличного темного пива, после чего тот принес из кухни поднос с кровяной колбасой, молодым луком, чесноком, козьим сыром и краюхой свежего хлеба. Орудя собственным ритуальным ножом, сиречь кинжалом, Тобиус начал с аппетитом есть. Лишь когда гость насытился, хозя-

ин подлил в его кружку еще пива и решил продолжить разговор:

— Так и что же там в мире творится, чар? Не бушует ли пегая? Не лютует ли Инвестигация? Не готовятся ли коварные эльфы выступить из Лонтиля войной?

Волшебник удивленно приподнял брови:

— О чуме ничего не слышно уж десять лет, и слава Господу-Кузнецу за это. Святой Официум продолжает вести свой бесконечный бой с малефикарумами, а уж лютует он больше обычного или нет, мне неведомо — к вашему покорному слуге у инвестигаторов интереса нет, и на том спасибо. Эльфы вроде бы сидят в своем лесу и носу оттуда не кажут. За последние месяцы, думается мне, как и за все последние годы, все самое интересное происходит у нас, в Ривене, а остальной Вестеррайх лишь смотрит да гадает: что будет дальше?

Пальцы задумавшегося трактирщика пробежались по косицам, в которые была заплетена его борода.

— И что же происходит в королевстве, чар? До нас новости добираются медленно, и не всему можно верить. А после того как бродячие торговцы перестали приезжать, мы и вовсе оказались отрезаны от остального мира.

Волшебник сделал маленький глоток и отправил в рот кусок колбасы.

— Ну, что происходит, что происходит, — заговорил он, прожевав колбасу, — лорд-наместник, как настоятельно рекомендуется его величать, набирает рекрутов в армию. С архаддирского рынка к нам идут все новые и новые партии оружия, сабли, пики, алебарды, мушкеты. Доспехи, разумеется, тоже. Вольферин заказал гномам Стальной Артели сто новых пушек, и к концу года из Кхазунгора придут паровые корабли с артиллерией. Какими деньгами все это оплачивается, догадаться несложно — налоги возросли на порядок, и сборщики податей не передвигаются по дорогам иначе как в сопровождении усиленной охраны. Армия растет, а соседи нервничают, люди тихо ропщут, но открыто выступать против узурпатора никто не спешит.

— Стало быть, росомаха продолжает носить корону горностая¹?

---

¹ Герб рода Вольферинов — росомаха, в то время как герб бывшей королевской династии Ривена Каргоренов — горностая.

— Формально герцог Вольферин так и не короновал себя, но даже в этом шатком положении никто пока не пытается выступить против него. Любое народное движение нуждается в лидере, а у недовольных новой властью в Ривене лидера нет.

Трактирщик и маг немного помолчали. Тобиус прислушивался к жужжанию мух под потолком и чувствовал приятный ветерок, пробирающийся в обеденный зал с улицы. Казалось, что вокруг почти нет людей, не доносились снаружи ничьи голоса, редкая собака решалась побрехать, но, быстро устав, пряталась в спасительной тени своей конуры. Весь мир как будто задремал, разморенный жарой, и волшебнику нравилось это ощущение.

— Как же достопочтенные чары из Академии относятся к происходящему? — спросил наконец Томас Бэйн.

— Никак, — последовал ответ. — Академия не вмешивается в политику, она присягала Ривену, а не династии Карторенов. Если бы король Бейерон призвал магов на помощь, они бы пришли, но вместо этого он отрекся от трона и удалился в изгнание.

— На редкость трусливый поступок, не так ли?

Желтые глаза мага вспыхнули как угли, на которые кто-то подул.

— Нет, не так. Король отрекся от престола и тем самым спас Ривен от гражданской войны. За спиной Валарика Вольферина стоял архимаг Шивариус Многогранник и множество волшебников-наймитов из Марахога и Ридена. С ними на одной стороне и магами Академии на другой битва за корону могла бы выжечь половину страны волшебным пламенем и заморозить вторую половину в вечных льдах. Во время гражданской войны договоры о правилах ведения межгосударственных войн не работают, боевые маги могут не сковывать себя в выборе приемов. Я уверен, наймиты не стали бы соблюдать международных договоренностей и пустили бы в ход все боевые заклинания, которыми владели. Академии пришлось бы ответить, и разрушения стали бы катастрофическими.

Тобиус оставил на стойке пустую кружку и поднялся.

— Мне нужна комната на ночь, я очень устал с дороги и хотел бы отдохнуть перед завтрашним днем.

— О, непременно, благо свободных комнат у меня предостаточно! — оживился трактирщик. — Прошу на второй этаж!

От волшебника не укрылось то, что, несмотря на все свое доброе обхождение и желание услужить, этот человек был насторожен и внимательно присматривался к чужаку. Его последний вопрос отбрасывал тень провокации, Тобиус в этом не сомневался.

— Ах да, я же не представился, когда вы назвали свое имя, чар! Простите старого дурака! Томас Бэйн меня звать, будем знакомы!

На втором этаже трактира имелось пять маленьких комнат для постояльцев, все оказались пусты. Сам трактир был построен развернутой литерой «V», внутри которой располагался небольшой дворик с колодцем, огороженный низеньким забором, а на «острие» этой «V» находился, собственно, вход с улицы.

Комнатка, предложенная волшебнику, оказалась центральной и располагалась над дверью, ведущей в трактир. Она единственная имела небольшой округлый балкончик. На чистом полу лежала старая медвежья шкура, стены покрывали деревянные панели, на одной из которых висело изображение Святого Костра, ближе к окну и дверке на балкон имелся маленький очаг из серого камня, напротив него у стены стояли стол и стул, кровать слева от двери, изголовьем к стенке, справа — большая пустая бадья.

— Не мешало бы помыться после дороги.

— Сейчас натаскаем и подогреем воду из колодца, моргнуть не успеете!

С помощью двоих подростков трактирщик вскоре заполнил бадью водой, предоставил большой кусок щелочного мыла, пахнущие чистой льняные полотенца и пообещал прислать Хильду, чтобы потереть гостю спину. От последней услуги Тобиус отказался.

Оставшись в одиночестве, маг скинул на пол запыленную полумантию некогда сливового цвета, знававшую и лучшие времена, пропитанную потом застиранную сорочку, серые бриджи и высокие походные сапоги, от которых пахло немывыми ногами. Брошенная на кровать сумка заворочалась и по-кошачьи замурчала, но тот, кто обитал внутри, решил, что можно еще немного подремать. Рядом с сумкой был брошен пояс с жезлом, кинжалом и кошельком.

Вода в бадье стыла быстро, но маг любил купаться в обжигающе горячей влаге. После нескольких пассов и простеньких

словоформул над бадьей поднялся густой белый пар. Бросив в воду зеленоватый кристалл ароматической соли, Тобиус опустился в пахнущее травами тепло. Вскоре он отскреб себя до блеска, выстирал одежду в отдельном тазу и завалился спать.

Уже после заката его разбудил стук в дверь. Служанка Хильда пришла с ведрами, чтобы слить воду, но обнаружила лишь сухую чистую бадью. Тобиус не стал объяснять, что давно испарил всю воду и вывел ее в виде облака через балкон наружу.

Он слышал голоса, доносившиеся снизу, стук кружек о столешницы и вкусные запахи.

— Я бы не отказался от ужина, сударыня, — сонно произнес он.

— Сию минуту, чар!

— А после, пожалуйста, не будите меня до утра. Завтра будет важный день.

— Куда вы, чар?

— В замок. — Он закинул сумку на плечо и провел ладонью по ткани полумантии, выглаженной нехитрыми чарами минутой назад.

— В замок? С какой же это це... то есть а как же завтрак? — спросил трактирщик растерянно.

Хочет послать кого-нибудь из слуг и предупредить, подумал Тобиус.

— После! Сначала дело!

Маг вдохнул полной грудью, прислушиваясь к щебету птиц и сонному собачьему лаю. Он-то думал, что встал рано, но деревенские люди отправились в поля засветло, по утренней росе.

— Я знаю, куда я пришел, сударь. Это Хог-Вуд, ссыльный аллод, в котором брошен доживать свои годы наш отрекшийся король. Я пришел, чтобы предложить ему в услужение мой жезл. Что у вас там под стойкой? Арбалет? Он вам не понадобится.

Томас Бэйн медленно положил обе руки на стойку, оставив взведенный арбалет внизу. Он не выглядел испуганным или враждебным, скорее сосредоточенным и решительным. Человек в общем-то хороший, решил про себя волшебник, но с чужаками осторожен. Это правильно.

— Вот, значит, зачем вы пришли, чар Тобиус? Что именно ведет вас?

— Желание служить достойному человеку, — пожал плечами волшебник. — И Путеводная Нить, разумеется.

Он вышел из тенистой прохлады трактира на еще красное поутру солнце, осмотрел аккуратные ладные домишки с деревянными и сланцевыми крышами, шпили старинных замковых башен в отдалении — и крайне ясно ощутил, что действительно хочет здесь остаться. Порой волшебникам приходится долго мерить шагами дороги мира, прежде чем они находят место, *подходящее* им, — ведь считалось, что у волшебников не может быть дома в привычном понимании этого слова. Волшебник должен найти место, которое его примет, и у этого места должен быть настоящий хозяин. Именно у него волшебник обязан попросить разрешения остаться. Так утверждал Джассар, а все, что утверждал Джассар, как известно, становилось законами магии. Конечно, за последние века маги, бывало, нарушали эти законы или пытались их обходить. Своего места в мире они больше не искали, селились в больших городах, там, где удобнее да сытнее. Добром такое вопиющее отношение к традициям и законам кончиться не могло, как верил Тобиус.

Замок из красного кирпича казался древним. Если у него когда-то и был ров, то земля давно засыпала его и поросла редкой травой. Строители прошлого не очень удачно выбрали место для возведения этого жилища, оно стояло не на стратегически выгодном возвышении, как полагалось, а на равнине, словно какой-то легкомысленный летний дворец, не предназначенный для выдерживания осады. Разномастные башенки говорили не то о рассеянности зодчего, не то о намеренном смешении нескольких архитектурных стилей старого Грогана. На одной из башен реял выцветший вымпел.

Тобиус прошел мимо раскрытых ворот кузницы, источавших извивающийся в утренней прохлде жар, обогнул стайку деревенских детей, игравших под присмотром старого виллана, и направился к замковым воротам. При них маялись в доспехах двое алебардчиков. Солнечный диск еще не раскалился вовсю, но они уже предусмотрительно обмотали шлемы белой тканью, чтобы металл не так сильно нагревался.

— Эй! Берегись! Оно поехало! — донеслось слева.

Волшебник услышал треск и грохот — по деревенской улице катилось огромное каменное колесо, несомненно являвшееся частью мельничного жернова. Тобиус сделал широкий

шаг назад, пропуская колесо мимо. Следом за ним бежало несколько человек.

— Здоров! — бросил проносящийся мимо здоровяк, остриженный на диморсийский манер — «под горшок». Пробежав чуть дальше, он резко остановился и вернулся к волшебнику: — А ты кто будешь?

— Тобиус, маг Академии Ривена.

— А... О... Ага... А... Маг! О-го-го! А я Тобиуш, старосты сын! Знакомы будем, тезка! — широко улыбнулся здоровяк, бесцеремонно хлопнув мага по плечу. — А ты это, колесо жерновичное остановить не можешь, а? Мы его еле вытащили, а теперь...

— Могу. — Тобиусу откровенно не хотелось заниматься такой ерундой прямо сейчас. — Но придется ударить по нему молнией, так что...

— А! Ого! Не, тогда не надо! Нам знаешь как мельница новая нужна! О-го-го! Даже две! Старая не справляется! Глядишь, и развалится со дня на день, а мука же нужна! Вот мы на речке Каменистой и строим! Как жатва пойдет, пшеницу соберем — тогда только успевай молоть! Да!

— Понятно, — неуверенно кивнул Тобиус, — только успевай.

— А, ну бывай! Нам эту гадину еще обратно катить!

Здоровяк бросился догонять колесо, оставив мага в некоторой растерянности.

Стражники, караулившие ворота, следили за приближающимся человеком. Чтобы не тратить зря времени, волшебник снял с шеи медальон Академии и показал его им.

— Ищу работу. Оповестите господина.

— Процедура вам известна, чар.

— Разумеется, — ответил маг, протягивая медальон.

Приняв его, солдат скрылся за воротами, а через минуту его место занял другой. Тобиус стоял и терпеливо ждал, рассматривая довольно новые створки, обитые железом, небольшие окошки в боковых башенках, из которых защитники замка могли бы вести огонь, красные кирпичи различных оттенков. Ветер за века успел основательно покрошить их, отчего земля вокруг замка имела красноватый цвет и на ней плохо росла трава. С юга тянуло сырым запахом недалекой речки и ароматом коровьего навоза. Деревенская идиллия.

— Следуйте за мной, чар, — попросил солдат, выглянувший из ворот.

Вместе они пересекли мощный желтоватым булыжником внутренний дворик с колодцем и вошли в помещения донжона. Оказавшись внутри, Тобиус остановился и прикрыл глаза, прислушиваясь к своим ощущениям. Магия. Несомненно, древняя магия пропитывала эти стены. Ничего удивительного — замок строили еще во времена Гроганской империи, а тогда мало какая большая стройка обходилась без магического вмешательства. Лишь благодаря магии, пропитывавшей эти стены, замок еще не превратился в пыль.

Солдат вел его по тенистым и прохладным коридорам. Запустение и грязь побочных проходов бросались в глаза на фоне хорошо вычищенного пути, которым наверняка постоянно пользовались. Тут и там валялись обломки сгнившей мебели, которую еще не успели выбросить, на стенах виднелись остатки рассыпавшихся гобеленов, паутина свисала с потолочных балок обрывками погребальных саванов и бесшумно колыхалась от каждого сквозняка. Местами на каменных плитах, украшавших стены, проглядывал старинный герб с кабаньей головой.

— Уборка идет давно? — спросил маг.

— Очень. Конца и края ей нету, — буркнул солдат, не обращившись. — Челядинов мало, а работы непочатый край. Сколько ни чистят, чище не становится. Еще здесь творится разная ахоговщина, это тоже не помогает делу.

— Ахоговщина? На предмет?

Служивый замешкался с ответом. Бойтся спугнуть новичка, подумал Тобиус.

— Я должен знать о таких вещах, иначе как смогу управиться с ними, если получу работу?

— Да... ну, люди говорят, что внутри замок больше, чем снаружи. И помещения иногда меняются местами. Но в последнее я не верю — плутают просто с непривычки, вот и все. А вот в то, что внутри он больше, — это да... если такое может быть.

Если маги-зодчие использовали при возведении четвертое измерение, то да, вполне возможно, подумалось Тобиусу.

Стражники стояли в коридорах по одному и на достаточно большом расстоянии друг от друга, их явно было немного в замковом гарнизоне. Дверь, к которой Тобиуса подвел прово-

жатый, охранялась двоими алебардщиками в блестящих шлемах и кирасах поверх армейских мундиров.

— Вам сюда, чар.

Тобиус вошел в просторную комнату, посередине перегородженную старинной дубовой ширмой с вырезанными на ней изображениями лонтильских единорогов. Перед ширмой имелся стол, заваленный бумагами, а за столом сидела женщина... девица лет пятнадцати-шестнадцати. В мужском платье. Такие камзолы и панталоны с белоснежными чулками и сапожками мягкой кожи дворянки восточного Вестеррайха носили для участия в охоте или во время конных прогулок. Но дамы консервативного западного Вестеррайха никогда не позволяли себе подобных вольностей в одежде. Как и у самого волшебника, волосы этой девы имели цвет безлунной ночи и были собраны в хвост на затылке. Личико «сердечком» обрамляло несколько закрученных буклей, большие карие глаза поблескивали колючей подозрительностью, что несколько не сочеталось со вздернутым носиком и пухлыми губами, как написал бы менестрель, «созданными для поцелуев». На правой скуле девушки темнела родинка.

Среди бумаг на столе лежал медальон Тобиуса.

— Вы моложе, чем я думала.

— А вы... э... чуть более женщина, чем я себе представлял, миледи.

— Намекаете на то, что ожидали увидеть моего отца вместо меня?

Тобиус поклонился принцессе Хлое Карторен:

— Миледи, приношу свои извинения.

— Вы лучше присядьте и отведайте вина, чар, а потом мы побеседуем.

— Я бы предпочел холодной воды так рано утром...

— Сначала явились без приглашения, потом надерзили члену королевской семьи, теперь отказываетесь от проявленного гостеприимства. Что дальше? Плюнете мне в лицо?

Волшебник почувствовал себя... неудобно, как будто попал в яму с разъяренной волчицей.

Тем временем ее высочество наполняла два хрустальных бокала из винного штофа. Тобиус вынужденно принял предложенное питье.

— За новые начинания! — провозгласила принцесса Хлоя.

В том, что его попытались опоить, Тобиус убедился, когда прохладное питье обожгло его горло, словно глоток кипятка, и голова немного закружилась. К счастью, «отрава» не представляла опасности для его организма, девушке явно не хватало опыта в отравительстве волшебников.

— А теперь отвечай, — принцесса Хлоя резко встала, и в тонкой ручке появилась изящная шпага, — кто тебя послал?

— Миледи, кто меня только не посылал, будьте конкретнее, пожалуйста.

— Довольно! Ты шпион узурпатора или какой-то из его шавок! Кто тебя послал? Гогенфельд? Де ля Ратта? А может, сам Вольферин?

— А... ну, в этом смысле никто меня не посылал, я сам пришел.

— Ври больше! Ни один волшебник по своей воле не заберется в такую глушь! Ваша порода только и знает, что селиться в городах и жиреть на продаже мелких артефактов да простеньких зелий!

— А еще бальзамов от облысения, противомозолевых декоктов и омолаживающих мазей. Такая практика действительно существует, увы, — признал Тобиус, не сводя глаз с подрагивающего острия шпаги у себя перед лицом. — Но я не из таких: нет торговой жилки.

— Не верю!

— Миледи, вы попытались отравить меня святой водой, разбавленной в вине, — это ли не истинное коварство? Впредь освящайте само вино, это будет более действенно, а если настоится на церковном серебре — так и вовсе замечательно выйдет. Хорошо, что это была всего лишь разбавленная вода.

— Святая вода не разбавляется!

— Вода — это вода, а вино — это вино. Пожалуйста, уберите клинок от моего лица, и мы с вами поговорим как цивилизованные люди.

Дверь распахнулась, внезапный сквозняк едва не повалил тяжеленную ширму на девуцу, волшебник быстро отошел к стенке, чтобы одновременно видеть и свою незадачливую отравительницу, и неожиданного визитера. Также он заметил, что за ширмой прятался милый интерьер с большой кроватью, зеркалом, шкафом и распахнутым светлым окном, через которое внутрь ворвался теплый ветер. Похоже, принцесса Хлоя устроила себе кабинет в собственной опочивальне.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	5
<i>Вместо пролога</i>	6
Часть первая	33
Часть вторая	191